

A woman's face is superimposed over a dark, atmospheric photograph of a theater interior. The theater has rows of dark seats, ornate walls, and a large, decorative chandelier hanging from the ceiling. A bright light source, possibly a stage or a doorway, is visible in the background, creating a strong contrast with the dark foreground. The woman's face is positioned in the upper right quadrant, looking directly at the viewer with a contemplative expression. Her hand is resting under her chin. The overall mood is mysterious and dramatic.

ТЕНИ ЕФРЕМОВКИ

Дарья Даниленко

Тени Ефремовки

<https://litres.ru/74190447>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Тени Ефремовки»

Эта книга — как «Нотр-Дам де Пари» для одного сельского Дома культуры.

Реальный ДК в Ростовских степях, построенный на месте сгоревшей церкви, разрушается. На него нет финансирования, он никому не нужен. Но в его стенах — голоса тех, кого мы забыли.

Алиса, двенадцатилетняя девочка, смотрит на него из своего окна и видит обещание красоты. Её брат с тяжёлой формой аутизма рисует силуэты, которые никто не может объяснить. Пока однажды она не читает стих о санитарке, погибшей в войну, — и стена отзывается.

«Тени Ефремовки» — это не просто книга. Это попытка спасти здание через историю. Через любовь, искусство и память.

Внутри — реальные факты и вымысел. Герои, основанные на реальных людях. ДК, который до сих пор стоит и ждёт. И вера в то, что книга может изменить мир.

Для тех, кто любит мистику в духе «Мастера и Маргариты». Для тех, кому не всё равно на старую архитектуру. Для тех, кто готов слушать голоса, которые молчали столетиями.

Дарья Даниленко

Тени Ефремовки

Глава 1. «Рождение слободы»

Поселок Ефремовка стоит в Ростовских степях, там, где горизонт упирается в небо ровной линией и кажется, что край земли можно достать рукой. Восемь улиц, 3 магазина, школа, почта, детский сад, ФАП и Дом культуры — главное украшение, гордость и боль местных жителей.

Летом здесь воздух дрожит от жары, пыль покрывает всё слоём рыжей муки, а по ночам в степи кричат волки. Зимой дуют такие ветра, что деревья гнутся до земли и снег заметает дороги. Но в апреле, когда степь только начинает зеленеть и в воздухе пахнет полыньёю и чем-то горьковатым, как старая любовь, Ефремовка кажется красивой.

История этого места началась задолго до того, как здесь появились первые дома.

В 1853 году слободу основала Анна Стефановна Платова — жена подполковника, урождённая Ефремова, женщина из славного казачьего рода. Её предки, атаманы Ефремовы, правили на Дону, строили храмы и монастыри, а их имя гремело от Черкасска до Петербурга. Она переселила сюда крестьян из Даниловки Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского, дала им землю, отнеслась к ним по-человечески — редкость в те времена. И назвала слободу в честь своей девичьей фамилии — Ефремовка.

Слобода расположилась вдоль левого берега реки Мок-

рый Еланчик — незначительной, маловодной, которая в летнее время почти пересыхала . Местность, занятая слободой, была далеко не живописной: самое село на неровном месте, почти в котловине, окруженной со всех сторон горами и холмами .

Но на одном из холмов, на обширной церковной площади, возвышалось нечто, что делало эту угрюмую местность почти прекрасной - Тихвинская церковь.

Каменная, белая, с колокольной, которая виднелась за много вёрст. Внутри — иконы в серебряных ризах, царские врата, выкованные из серебра с позолотой, и запрестольный образ Донской Божией Матери в драгоценной короне. Богатая церковь, видно, что не бедствовала.

В 1880-х годах в ней служил священник Пётр Колпиков. И в эти же годы сюда приезжал молодой Антон Павлович Чехов. Он гостил у своего приятеля Василия Зембулатова в усадьбе Котломино — это в трёх верстах от Ефремовки — и пел на клиросе в Тихвинской церкви . Молодой, с живыми глазами, с голосом, который ещё не знал, что станет голосом всей русской литературы. Он стоял на этом клиросе, смотрел на иконы и на прихожан — и, может быть, тогда уже придумывал свои «Степь» или «Вишнёвый сад».

Церковь стояла на холме. Вокруг неё — церковная площадь, бедные дома крестьян, а за ними — балки, холмы, степь, уходящая к горизонту. Местность называли «далеко не живописной», даже «скучной» . Но Чехов говорил иначе:

«Это фантастический край. Донецкую степь я люблю, и когда-то чувствовал себя в ней как дома, и знал там каждую балочку» .

А в это время на земле кипела другая жизнь.

Ефремовские крестьяне в начале существования слободы жили зажиточно. Помещица относилась к ним терпимо: они, видя это, определённую часть времени трудились на себя, постепенно обустроивая свой быт . Но когда в 1861 году крепостное право было отменено, помещица предложила своим бывшим крепостным выкупить землю, на которой они работали и жили — на самых выгодных условиях. Крестьяне отказались. Почему-то большая их часть считала, что земля и так должна перейти в их собственность даром. Лишь совсем небольшое количество людей согласилось на эту сделку .

Спустя время банк купил собственность графини Платовой и перепродал ее немцам-колонистам. Цена на аренду земли взлетела до небес. Многие крестьяне, которые ещё вчера жили в достатке, стали бедствовать и жалеть о своём отказе . Кто-то ушёл в другие губернии, искал лучшей доли. Другие остались, начинали всё заново, занимались земледелием, растили детей, умирали и рождались снова.

Так и жила Ефремовка — на стыке удачи и неудачи, надежды и разочарования, земли, которая кормит, и неба, которое редко дарит дождь.

А в 1920-е годы в Ефремовке появился еще один человек, которому суждено было оставить след.

Валентин Овечкин — известный впоследствии писатель — жил здесь, организовывал драматический и хоровой кружки, шумовой оркестр, учительствовал, заведовал избой-читальней . Он создал на землях помещика Деркачёва одну из первых в Приазовье сельскохозяйственных коммун. Он верил в новую жизнь, в светлое будущее, в то, что культура дойдёт до самых глухих уголков.

Он не знал, что через десять лет многие из его начинаний уничтожат. Не знал, что церковь, у которой он, возможно, проходил мимо каждый день, скоро сравняют с землёй.

Церковь не пережила тридцатые годы. Её разрушили перед самой войной — сталинские борцы с религией не оставили камня на камне. Разобрали по кирпичикам, вывезли, стерли с лица земли. Осталась только одна стена — та, что примыкала к алтарю. Её не смогли разобрать: то ли кирпич был слишком прочным, то ли руки не дошли, то ли кто-то невидимый не дал .

Стена помнила. И ждала.

Глава 2. «Стена, помнящая крики»

Война пришла в Ефремовку не с грохотом танков, а с тишиной.

Это была та особенная, выморочная тишина, которая наступает, когда замолкают даже сверчки. В августе 1942 года немцы подходили к Дону, и степь, обычно такая звонкая от птиц и ветра, вдруг замерла. Старухи крестились на закат, мужики уходили в ночь — кто в армию, кто в партизаны, кто просто в балки, чтобы переждать. А дети смотрели на восток и ждали.

Оккупация длилась семь месяцев.

Семь месяцев — это двести десять дней. Двести десять ночей, когда в степи горели костры — немцы жгли документы, жгли дома, жгли тех, кто не успел уйти. Двести десять рассветов, когда женщины, прижимая к груди детей, выглядывали в щели ставней и не знали, увидят ли закат.

Акт комиссии Ефремовского сельсовета, составленный 18 декабря 1943 года, сразу после освобождения, перечислял сухими казенными словами то, что нельзя перечислить: расстрелы, грабежи, имена. Тех, чьи имена не стёрлись из памяти соседей, пока они сами не ушли вслед за расстрелянными.

В этом акте есть страшная строчка про учителя — приезжего, которого арестовали и расстреляли. И про женщину 1890-го года рождения, которую заставили выкопать себе

яму, прежде чем убить.

Ефремовка была маленькой. Три улицы. Все знали всех. И когда расстреливали учителя — его ученики плакали. Они выросли и жили дальше с этой болью и ужасом. Старые, с глазами, которые видели слишком много. Они не рассказывали. Они молчали. Но их молчание было громче любых слов.

Церковь, которую разрушили в тридцатые, не могла укрыть никого. От неё осталась только стена — та самая, краснокирпичная. Но стена помнила. И в годы оккупации, говорят, она плакала.

По ночам, когда в посёлке гасли огни и немецкие патрули обходили улицы, из-под земли, из-под той самой стены, доносился звук. Не вой. Не стон. А... пение. Тихое, многоголосое, без слов. Будто хор невидимок выводил мелодию, которую никто из живых не мог узнать, но каждый чувствовал — где-то глубоко, в той части души, которая помнит всё, даже то, чего с тобой не случилось.

Немцы слышали это пение. И боялись. Солдаты, проходившие мимо руин церкви, крестились по-католически и ускоряли шаг. Офицеры приказывали не приближаться к стене. Говорили, что там — «русские духи», и шутили, но шутки выходили нервными.

А местные знали: это поют те, кто не успел допеть. Те, кого убили здесь, на этом месте. Чьи души не ушли, а застряли между небом и землёй, потому что некому было прочитать

молитву, некому было вспомнить их имена.

Самый страшный месяц — декабрь 1942-го.

В степи лежал снег — редкий для этих мест, крупный, мокрый, который падал и таял, превращая дороги в месиво. Гитлеровцы готовились к отступлению, а перед отступлением всегда хотели оставить после себя пустоту. Выжженную землю. Ничего.

Они согнали жителей на площадь — ту самую, перед будущим ДК. Выстроили в колонну. Кого-то повели рыть окопы, кого-то — в сарай, где уже стояли эшелоны, увозившие людей в Германию. А кого-то — к стене. Той самой. Краснокирпичной.

Их расстреливали не в лесу, не в овраге, как делали обычно. Их расстреливали у церковной стены. Прямо там, где когда-то пел Чехов, где венчались, крестили детей, теперь лилась кровь.

Говорят, после расстрела стена долго не могла остыть. Кирпичи были теплыми на ощупь — и не от солнца, которое не грело в декабре, а от того, что впитали в себя чужую жизнь. И ещё говорят — на кирпичах проступили пятна. Тёмные, как масло. Их закрашивали, белили, штукатурили, когда построили Дом культуры — они проступали снова.

После войны Ефремовка поднималась из пепла медленно, как калека, который учится ходить заново. Вернулись те, кто успел уйти. Приехали новые люди — из разрушенных городов, из сожженных деревень.

В 1946 году в Ефремовке, как и во многих сёлах района, открылась изба-читальня. Это было не здание в привычном смысле — скорее, большая комната в уцелевшем доме, где стояли столы, табуретки, железная печка-буржуйка и несколько шатких стеллажей с книгами. Книг было мало — их собирали всем миром.

Изба-читальня стала первым «культурным очагом» послевоенной Ефремовки. Сюда приходили вечерами — женщины в платках, мужчины в гимнастерках, подростки, успевшие повзрослеть за годы войны. Здесь учились читать и писать те, кто не успел до войны. Здесь слушали сводки с фронтов — уже победные, но всё ещё тревожные. Здесь пели — тихо, вполголоса, боясь громких звуков после стольких лет тишины.

Старая гармошка, чудом уцелевшая в чьём-то сарае, вечерами плакала и смеялась, и люди, затаив дыхание, слушали, как пальцы гармониста выводят «Катюшу». Кто-то подпевал. Кто-то плакал.

А стена — та самая — слушала. И ждала.

Глава 3. «Рождение Дворца»

В 1949 году в Ефремовке произошло событие, которое изменило всё. В поселке начали строить новый клуб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.